

Не все есть предмет литературы

Леонид Бородин: «Мой срок – возмездие за то, чего в приговоре нету»

Леонид Иванович Бородин – известный русский писатель. Автор многих книг. В советские годы сидел дважды как «политический». Редактор журнала «Москва». Недавно в издательстве «Молодая гвардия» вышла новая мемуарная книга Бородина «Без выбора».

– Леонид Иванович, в своей последней книге вы рассказываете про сокамерника, предсказавшего смерть нескольких генсеков подряд и появление Меченого, который принесет перемены. Действительно в тюрьме вам встретился такой оракул?

– Да, он так и сказал. Когда я приехал в зону, то и там услышал это пророчество. И впервые увидев в газете пятно на лбу Горбачева, мы вспомнили: «придет Меченый». Необъяснимо! Я бы назвал это социальным чудом. Только великим подвижникам давалась, нашим языком говоря, информация о перспективах, причем какой ценой – постами, молитвами, уединением! А тут простому ээку, убийце, кто-то взял и нашептал... Иногда че-

рез злого человека совершается добро.

– **Вы сильно религиозны?**

– Мое мировоззрение – христианское. Другой вопрос – степень воцерковленности. Есть люди более воцерковленные, чем я, есть менее... У человека, воспитанного с молодости на немецкой философии, рожденного и выросшего в семье атеиста, религиозное сознание без ущерба быть не может. Хотя у всех по-

верное, сошел с ума! Я сидел за дело. И это колоссальная разница, благодаря которой можно не ожесточиться, потому что если дана тебе способность самоанализа, ты понимаешь: ладно, я сижу за участие в Организации, но вот когда-то совершил неблагоприятный поступок или нехорошо обошелся с женщиной. То есть мой срок – возмездие за то, чего в приговоре нету.

Стал бы я писать, если бы не сел, – это сослагательное наклонение

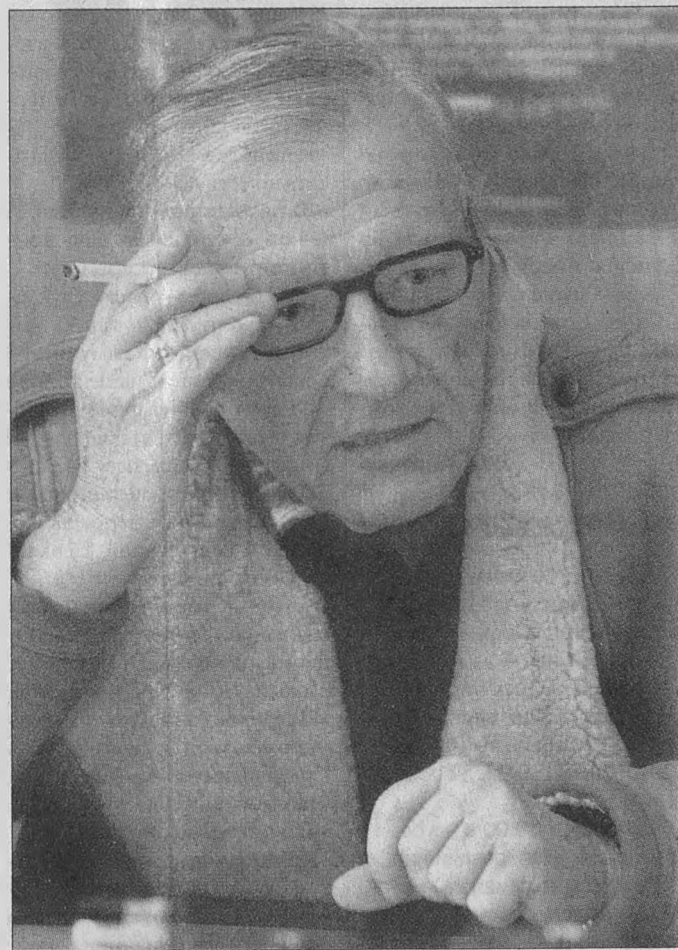
разному, Чернышевский – сын священника...

– **Заключение ожесточает?**

– Кого как. Мне очень тяжело представить себе состояние советского человека 30-х годов, коммуниста, работающего на заводе главным инженером, отдающего все свои силы... И вдруг его берут, убежденного, и объявляют врагом. Я бы, на-

– **То есть каждый заслуживает приговора?**

– Раз уж ты заслужил, получил уже – то должен понять. Тому, у кого этого осмысления не случилось, у кого срока были совсем неоправданные, ожесточиться легче. Но я гораздо больше встречал ожесточившихся среди несевших. Он не сел, а злоба из него прет так, как буд-

Писатель Леонид Бородин.

Фото Александра Шалгина (НГ-фото)

то его подвешивали и только что сняли.

Как правило, ээки гораздо более спокойные люди. Сохраняют трезвость ума. Я прибыл в лагерь со сроком в шесть лет, а меня встречает человек, который сидит уже сороковой год. И при этом он выдержан, выписывает литературу, что-то конспектирует или рисует. Я попал в мордовские лагеря после Сталина и Хрущева и встретил людей, которые прошли через мучения и смерть и сохранили хладнокровие, не превратились в психов, неврастеников, злобных карликов...

– **Именно в неволе вы начали писать?**

– Да, до заключения я практически не писал. Стал бы я писать, если бы не сел, – это сослагательное наклонение. Но условия благоприятствовали писанию и в лагере, и во Владимирской тюрьме. Само по себе заключение концентрирует мысли, вырисовывает в памяти картины, которые в обычной жизни размыты. А здесь вспоминаешь до деталей, до мелочей.

Подавляющее большинство заключенных страдало
ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 2